

Петр
Иванов сын
Балагур

Из истории слов и выражений

Балагур

«Выражается сильно
русский народ!
И если наградит
кого словом,
то пойдет оно ему
в род и потомство...
И как уж потом
ни хитри
и ни облагораживай
свое прозвище...
ничто не поможет:
каркнет само за себя
прозвище
во все свое
воронье горло
и скажет ясно,
откуда вылетела птица.
Произнесенное метко,
все равно что писанное,
не вырубливается
топором».

Н. В. ГОГОЛЬ
Мертвые души

Существительное *балагур* образовано сложением двух основ: *бал-* и *-гур*. Очевидно, с первой основой связано слово *балъ*, которое во множественном числе (*балы — балы*) употреблялось в XVIII—XIX вв. в значении 'шутки, веселые разговоры'. Распространенным до конца XIX в. был фразеологический оборот *точить балы* 'болтать пустяки, шутить'. В говорах русского языка слово *балы* существует и поныне.

Вторая основа, по данным словаря В. И. Даля, встречается в таких диалектных формах, как *гурлить*: в саратовских говорах — 'болтать, рассказывать', а в вологодских — 'хвастаться, хвалиться'; новгородское и новоросийское *гуркать* — 'говорить кликать'. Таким образом, *балагур* — буквально 'говорящий шутки'.

Когда же появилось это слово?

В. К. Чичагов в своей работе «Из истории русских имен, отчеств и фамилий» (М., 1959) справедливо замечает, что о существовании в Древней

Руси многих слов мы узнаем иногда только на основании данных ономастики, науки, изучающей собственные имена. Изучение исторической ономастики существенно уточняет и обогащает наши представления о составе древней русской лексики. История слова *балагур* подтверждает эту мысль В. К. Чичагова. Впервые оно встречается в письменности, в памятниках XV в. не как нарицательное существительное, а как наименование лица, прозвище — как имя собственное.

В далеком прошлом на Руси называли людей не по имени, отчеству и фамилии, а часто по имени, к которому прибавлялось прозвище. Прозвище метко давалось человеку за его внешний вид, физические недостатки, определенные качества. Кроме прозвища, в наименовании лица могло быть также собственное отчество (по имени отца, как в настоящее время) и так называемое прозвищное отчество, даваемое по прозвищу отца. Например:

Иван	Большой	Чиркин	сын	Романова
↓	↓	↓	↓	↓
имя	прозвище	прозвищное отчество	собственное отчество	

(пример из книги В. К. Чичагова)

Существительное *балагур* в своих первых письменных примерах и выступает как прозвище, которое, вероятно, давалось людям за определенное свойство: умение весело болтать, шутить. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903) находим:

Якут	Балагур,	крестьянин	волости	Морева
↓	↓			
имя	прозвище			

Мы видим, что иногда для опознания человека достаточно было назвать его имя и характерное прозвище и место жительства. В документах из Устюга Великого упоминается:

Петр	Иванов	сын	Балагур
имя	собственное отчество		прозвище

Прозвище настолько «прилипало» к человеку, что могло восприниматься, по сути дела, как личное имя, к которому иногда добавлялось лишь отчество. Вот пример из Книги писцовой по Новгороду Великому конца XVI в.: «Место Балагура Семенова». В Писцовой книге по Пскову и его пригородам XVI в. *Балагуров* употребляется как прозвищное отчество: «Петр Балагуров» и «Бориско Балагуров». А на основе прозвищного отчества возникла нередкая сейчас фамилия *Балагуров*.

Сколько в стране Балагуровых?
По данным адресных бюро на февраль 1967 г. в Москве живет около 150 Балагуровых, в Ленинграде и Ленинградской области — 108, в Горьком и области — около 80, в Новгороде и области — 36, в Великом Устюге — 5.

Первым словарем, фиксирующим слова *балагур* и *балагурство*, был «Русско-Латинско-Немецкий Лексикон» Э. Вейсмана (1731): «*Балагур* см. *шал-*

бер. Балагурство см. шалберство (слово *шалбер* употреблялось в XVIII в. в значении 'пустомеля, пустозвон'). Существительное *балагур* и его производные *балагурить*, *балагурный*, *балагурство* отмечает и другой значительный словарь XVIII в.— «Российский целлариус» Ф. Гелтергофа (1771), где *балагур* переводится на немецкий язык словом *ein Possenmacher* (буквально — 'делающий шутки': *der Possen* 'шутка', *machen* 'делать'), *балагурка* — *eine Possenmacherin*, *балагурить* — *possenmachen*, *балагурный* — *scherzhaft*. «Словарь российский с немецким и французским переводами» И. Нордстета (1780) помещает также все эти слова с пометой *vulg.* («вульгарное»).

В XVIII в. рассматриваемые слова имели «простонародный» характер — это отмечают все словари XVIII и XIX в., в том числе и известный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. В языке художественной литературы XVIII в., например в комедии А. Сумарокова «Вздорщица», они употребляются в речи слуг, которым по нормам того времени полагалось говорить «низким стилем»:

Бурда: У меня ты скоро и свиньёю завизжишь.

Розмарин: Я сударыня, самец, а не самка, так прикажите мне лучше визжать боровом.

Бурда: Ты еще балагуришь?

Или в комедии М. Матинского «Гостиный двор»:

Крючокодей: Попроси, сударыня, поласковее.

Хавронья: Ну подай что ли? Полно балагурить.

В переводной пьесе Алленвала «Награжденная хитрость или удачное плутовство»: «Во все время моего с вами балагуренья находится он у прелесты своей». Встречаются эти слова в комедии А. Сумарокова «Рогоносец по воображению», Н. Николаева «Розана и Любим», П. Плавильщикова «Бобыль» и т. д. Появление слов *балагур* и др. в текстах всегда обусловлено либо определенными жанрами низкого стиля (комедия, комическая опера и т. д.), либо характером персонажа, рассказчика или героя сатирического повествования.

Употребляются рассматриваемые слова и в мемуарной литературе этого времени. Так, в «Записках» А. Т. Болотова встречаются существительные *балагуренья* и *балагурничанье*. Вот один из примеров: «Но как в немецких канцеляриях совсем не такие обыкновения, как у нас, и всеми канцелярскими служителями не предпринимаются никакие вольности в разговорах и не препровождается время в смехах и балагуреньях». Находим существительное *балагур* и его производные в «Записках Семена Порошина» и в «Записках путешествия из Сибири» А. Н. Радищева. Слова *балагур* и *балагурство* встречались и в таком жанре, как сатирическая журналистика (например, у Д. И. Фонвизина «К сочинителю „Былей и небылиц“ от сочинителя вопросов», «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание»).

Постепенно в литературном языке XIX в. слова *балагур*, *балагурить* и их производные теряют свою экспрессивную, стилистическую сниженность, правда, в словарях литературного языка до конца XIX в. они еще выступают с ограничительной пометой «простонародное», и только в «Словаре

русского языка» под редакцией академика Я. К. Грота (1895) они приводятся без такой стилистической квалификации.

В одном из стихотворений Е. А. Баратынского слово *балагур* употреблено со словами, относящимися к высокой, поэтической лексике.

Когда старик Анакреон,
Сын верной неги и прохлады,
Веселый пел Амфоров зvon
И сердцу памятные взгляды,
Вслед за толпой младых забав,
Богини песней, миновав
Певцов усерднейших Эллады,
Ему внимать исподтишка
С вершины Пинда поспешили
И балагура старика
Венком бессмертья увенчали.
(«Чтоб очаровывать сердца...»)

В литературном языке XIX в. слово *балагур* приобретает разговорный характер. Показательным для него становятся контексты шутиwego, насмешливого содержания, как, например, в таких строках А. С. Пушкина:

Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура.
(«Сегодня я поутру дома»)

Если обратиться к рассмотрению этих слов в современном литературном языке, то можно отметить, что происходит процесс все большей их стилистической нейтрализации. Сохраняя общий разговорный характер, эти слова стали сейчас вполне обычными и встречаются в самых разнообразных формах устной и письменной речи. Например: «[Гаршин] начал балагурить, быстро рассмешив Аню» (В. Кетлинская. Дни нашей жизни); «Как не похож он [Антон] был на прежнего заповалу первой роты, веселого балагура и скомороха, забавлявшего солдат в часы досуга своими шутейными представлениями» (Г. М. Марков. Строговы).

Любопытно, что слово *балагур* настолько сейчас распространено, что с его помощью поясняются другие слова, ограниченные в употреблении. Например, в «Инструкции для составления „Словаря современного русского литературного языка“» слово *балагур* квалифицируется как литературный эквивалент областного слова *калякуи*.

О распространенности, «обычности» данных слов свидетельствует и то, что они продолжают образовывать производные слова:

Нет, сказка не была пустою балагурью
И дурь мужицкая была особой дурью...
(Д. Бедный. Разгадка)

Необычайное — не только в этом,
Не только в выдумке и балагурье...
(Н. Асеев. Необычайное)

К. П. СМОЛИНА,
научный сотрудник Института
русского языка АН СССР